

Посвящается Дону Рейду

Я думаю, как все закончить. Как только эта мысль приходит в голову, она остается. Прилипает. Застревает. Доминирует. Я мало что могу с ней поделать. Уж поверьте. Она не уходит. Она со мной, нравится мне это или нет. Она со мной, когда я ем. Когда ложусь спать. Она со мной, когда я сплю. Она со мной, когда я просыпаюсь. Она всегда со мной. Постоянно.

Я не слишком давно об этом думаю. Идея новая. Но в то же время кажется старой. Когда все началось? Что, если она не возникла в моей голове, а ее разработали заранее и вложили мне в сознание? Может ли невысказанная идея быть неоригинальной? Возможно, все это известно мне давным-давно. Возможно, именно так все и должно было закончиться.

Джейк однажды сказал: «Иногда мысль ближе к истине, к реальности, чем действие. Можно сказать что угодно, можно совершить что угодно, но мысль подделать нельзя».

Мысль подделать нельзя. И вот о чем я думаю.

Это меня беспокоит. В самом деле беспокоит. Может, мне следовало знать, чем все для нас закончится. Может, конец был предопределен с самого начала.

Дорога практически пуста. Здесь тихо. Безлюдно. Даже в большей степени, чем ожидалось. Так много всего можно увидеть, но маловато людей, построек или домов. Небо. Деревья. Поля. Заборы. Дорога и ее гравийные обочины.

— Хочешь, остановимся выпить кофе?

— Нет, спасибо,— говорю я.

— Это наш последний шанс перед тем, как мы въедем в по-настоящему фермерские края.

Я впервые навещаю родителей Джейка. Или навещу, когда мы приедем. Джейк. Мой парень. Он стал моим парнем не так давно. Это наше первое совместное путешествие, наша первая долгая поездка, поэтому странно, что я ощущаю ностальгию — из-за наших отношений, из-за него, из-за нас. Я должна быть взволнована, должна с нетерпением ожидать встречи, первой из многих. Но все не так. Совсем не так.

— Мне не надо ни кофе, ни закусок,— вновь говорю я.— Хочу быть голодной к ужину.

— Сомневаюсь, что сегодня будет обычное застолье. Мама в последнее время устает.

— Но ты же не думаешь, что она будет возражать, так? Что я с тобой?

— Нет, она будет рада. Она уже радуется. Мои старики хотят с тобой познакомиться.

ИЭН РЕЙД

— Тут кругом сплошные амбары. Ну надо же.

За эту поездку я увидела больше амбаров, чем за все предыдущие годы. Может, за всю жизнь. Они все выглядят одинаково. То коровы, то лошади. Овцы. Поля. И амбары. Такое огромное небо.

— На этих шоссе нет фонарей.

— Нет смысла освещать дорогу, слишком мало машин,— говорит Джейк.— Уверен, ты заметила.

— Ночью, наверное, очень темно.

— Да уж.

ТАКОЕ ЧУВСТВО, что я знаю Джейка дольше, чем на самом деле. Сколько времени прошло... месяц? Шесть недель, а может, семь? Мне бы следовало помнить, сколько. Допустим, семь недель. У нас подлинная связь, редкая и сильная привязанность. Я никогда не испытывала ничего подобного.

Я поворачиваюсь в кресле к Джейку, хватаю себя за левую ногу и, подтянув, сажусь на нее, как на подушку.

— Ну и как много ты им про меня рассказал?

— Моим родителям? Достаточно много,— говорит он и бросает на меня быстрый взгляд. Мне нравится этот взгляд. Я улыбаюсь. Меня к нему так тянет.

— Что ты им сказал?

— Что встретил хорошенькую девушку, которая пьет слишком много джина.

— А мои родители не знают, кто ты.

Он думает, я шучу. Но это не шутка. Они понятия не имеют о его существовании. Я им не рассказала про Джейка, даже не упомянула о том, что с кем-то встреча-

ДУМАЮ, КАК ВСЕ ЗАКОНЧИТЬ

юсь. Ни слова. И я все думаю: надо сказать хоть что-то. Ведь столько возможностей было. Но я постоянно была не до конца уверена, а потому молчала.

Джейк как будто собирается заговорить, но передумывает. Протягивает руку и включает радио. Тихонько. Единственная музыка, которую мы смогли отыскать, просканировав весь диапазон частот несколько раз,— какая-то радиостанция, транслирующая кантри. Старые песни. Джейк кивает в такт очередной, без слов негромко напевает ее себе под нос.

— Никогда раньше не слышала, чтобы ты пел с закрытым ртом,— говорю я.— У тебя здорово получается.

Не думаю, что мои родители *однажды* узнают про Джейка — ни сейчас, ни задним числом. Пока мы едем по пустынному сельскому шоссе к его ферме, от этой мысли мне становится грустно. Я чувствую себя эгоистичной, эгоцентричной. Я должна сказать Джейку, о чем думаю. Просто об этом очень трудно говорить. Стоит мне озвучить свои сомнения, обратного пути не будет.

Я уже более-менее решила. Почти уверена, что все закончу. Из-за этого я даже меньше нервничаю при мысли о встрече с его родителями. Мне любопытно посмотреть, как они выглядят, но теперь я чувствую угрызения совести. Джейк наверняка думает, что поездка на ферму — это знак приверженности с моей стороны, свидетельство того, что наши отношения становятся серьезнее.

Он сидит здесь, рядом со мной. О чем он только думает? Он понятия не имеет. Это будет нелегко. Не хочется причинять ему боль.

— Откуда ты знаешь эту песню? И разве мы ее уже не слышали? Дважды?

ИЭН РЕЙД

— Это классика кантри, а я вырос на ферме. Я ее знаю по умолчанию.

Он не подтверждает, что мы слышали эту песню уже дважды. Какая радиостанция повторяет одну и ту же песню дважды в течение часа? Я больше не слушаю радио; может, именно этим они сейчас и занимаются. Может, это нормально. Я даже не знаю. А может, все старые кантри-песни звучат для меня одинаково.

ПОЧЕМУ Я НИЧЕГО НЕ ПОМНЮ о своем последнем путешествии на автомобиле? Я даже не могу сказать, когда оно случилось. Смотрю в окно, но на самом деле ничего не вижу. Просто коротаю время, как обычно происходит в машине. В машине оно так и летит, как пейзаж снаружи.

И это очень плохо. Джейк много рассказывал мне о здешнем пейзаже. Говорил, как он ему нравится. Говорил, как скучает по здешним местам, когда уезжает. Особенно по полям и небу, так он сказал. Я уверена, что здесь красиво, спокойно. Но это трудно ощутить, когда сидишь в движущейся машине. Я пытаюсь вобрать в себя как можно больше.

Мы проезжаем мимо заброшенной фермы, от которой остался только фундамент главного дома. По словам Джейка, тут все сгорело лет десять назад. За фундаментом виднеется ветхий сарай, а на переднем дворе — качели. Но они выглядят новыми. Не старыми и ржавыми, не выцветшими от смены времен года.

- А откуда там новые качели? — спрашиваю я.
- Где?

ДУМАЮ, КАК ВСЕ ЗАКОНЧИТЬ

— На той сожженной ферме. Там больше никто не живет.

— Дай знать, если тебе станет холодно. Тебе не холодно?

— Все в порядке,— говорю я.

Стекло прохладное. Я прижимаюсь к нему головой. Ощущаю вибрацию двигателя, каждую неровность дорожного полотна. Нежный массаж мозга. В этом есть что-то гипнотическое.

Я не говорю ему, что стараюсь не думать о Названивающем. Я вообще не хочу думать о Названивающем или о его сообщении. Только не сегодня. Я также не хочу говорить Джейку, что стараюсь не видеть свое отражение в оконном стекле. Для меня это день-без-зеркал. Совсем как в тот раз, когда мы с Джейком познакомились. Эти мысли я держу при себе.

Вечер викторин в университетском пабе. Вечер нашего знакомства. Университетский паб — не то место, где я провожу много времени. Я не студентка. Уже нет. Там я чувствую себя старой. Я никогда не ела в пабе. У разливного пива землистый привкус.

Я не рассчитывала в тот вечер с кем-то познакомиться. Пришла с подругой. Впрочем, мы не особо интересовались викториной. Сидели за кувшином и болтали.

Думаю, подруга захотела встретиться в университетском пабе, так как хотела, чтобы я там познакомилась с парнем. Она этого не говорила, но похоже, таков был ход ее размышлений. Джейк и его друзья сидели за соседним столиком.

Викторины меня не интересуют. И дело не в том, что я не считаю их забавными. Просто это не мое. Я бы

ИЭН РЕЙД

предпочла пойти куда-то, где не так шумно, или остаться дома. Дома у пива не бывает землистого привкуса.

Команда Джейка называлась «Брови Брежнева».

— А кто такой Брежнев? — спросила я его.

Там царил шум и гам, из-за музыки мы почти кричали друг на друга. Наш разговор длился уже несколько минут.

— Он был советским инженером, работал в металлургии. Эпоха застоя. У него брови походили на пару чудовищных гусениц.

Вот о чем я и говорю. Название команды Джейка. Оно было забавным и вместе с тем имело скрытый смысл, демонстрирующий познания в истории советской коммунистической партии. Я не знаю почему, но подобные вещи сводят меня с ума.

Названия команд всегда такие. А если нет, то у них есть откровенный сексуальный подтекст. Еще одна называлась «У нас с раскладным диваном один талант на двоих!».

Я сказала Джейку, что на самом деле не люблю викторины, особенно в подобных местах.

— Викторина позволяет узнать интересные мелочи, — ответил он. — А еще это причудливая разновидность соперничества, заgrimированного под апатию.

Джейка не назовешь писанным красавцем. Он привлекателен главным образом своей необычностью. В тот вечер он не сразу бросился мне в глаза. Но оказался самым интересным. Меня редко прельщает безупречная красота. А Джейк выглядел так, словно был не совсем частью группы, словно его туда притащили, потому что команда зависела от его ответов. Меня сразу же потянуло к нему.

ДУМАЮ, КАК ВСЕ ЗАКОНЧИТЬ

Джейк высокий, сутулый и весь какой-то неровный, с резкими скулами. Чуть тощий. Эти выступающие скулы, точно у скелета, понравились мне с первого взгляда. Его темные, полные губы компенсируют недокормленный вид. Толстые, мясистые и пухлые, особенно нижняя. Волосы у него были короткие и нечесанные, и еще, похоже, длиннее с одной стороны — а может, отличались по текстуре, как будто слева и справа его подстригли по-разному. Его шевелюра не выглядела ни грязной, ни недавно вымытой.

Он был чисто выбрит и носил серебряные очки в тонкой оправе, правую дужку которых рассеянно поправлял. Иногда подталкивал их указательным пальцем к переносице. Я заметила, что у него была такая привычка: сосредотачиваясь на чем-то, он нюхал тыльную сторону ладони или, по крайней мере, держал ее под носом. Он так часто делает до сих пор. На нем были джинсы и простая футболка — серая, а может, голубая. Она выглядела так, словно ее стирали сотни раз. Джейк часто моргал. Я заметила, что он застенчив. Мы могли бы просидеть там всю ночь, рядом друг с другом, и он не сказал бы мне ни слова. Улыбнулся мне один раз, да и только. Если бы все зависело от него, мы бы никогда не познакомились.

Я поняла, что он не собирается ничего говорить, поэтому начала первой:

— Вы, ребята, неплохо справляетесь.

Это было первое, что я сказала Джейку.

Он поднял бокал с пивом.

— У нас крепкое подспорье.

Вот и все. Лед тронулся. Мы еще немного поговорили. Затем он очень небрежно сказал: